

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Асмус В., диак.

МЕСТО МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 300-летию Московской
Духовной Академии (1685-1985).
С. 316-330

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Юбилейный сборник Московской Духовной Академии

Диакон Валентин АСМУС

МЕСТО МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Духовная Академия, как и всякая школа, имеет два аспекта: она есть учреждение не только учебное, но и воспитательное. Она есть школа благочестия, где одно поколение передает другому духовный опыт, где чада возрастают в вере отеческой. Она есть и школа науки, школа теоретического постижения горнего и дольного мира. Эти два аспекта имеют глубинную общую основу, однако они не тождественны.

В настоящей статье мы не будем говорить о том духовно-нравственном влиянии на русское общество, какое могли иметь и имели наставники Академии, ее многочисленные выпускники-архипастыри, пастыри, законоучители и все, кто на различных поприщах служения учили народ Божий вере, благочестию и всякому добру. Это — очень значительная, но и чрезвычайно трудная для исследования историческая тема. Мы не будем также говорить о том месте, какое занимает Московская Академия в истории русского богословия. Нам хотелось бы проследить влияние Московской Академии в истории светской культуры. Но прежде нужно пояснить, когда произошло разделение древа культуры на два ствола, когда духовная и светская культура стали восприниматься как две разные сферы.

Христианство пришло в языческий мир. Проповедь Евангелия Христова огласила учеников Аристотеля и Сенеки, Гомера и Вергилия, Демосфена и Цицерона. Победив язычество, христианство не отвергло «внешнюю мудрость», но включило ее в свой культурный синтез. В Византии, однако, никогда не забывали о языческом прошлом «внешней мудрости», и потому между двумя сферами культуры при теснейшем их взаимодействии сохранялась определенная напряженность. Не так было на Западе, где в результате варварских нашествий культурная традиция прервалась и «внешняя мудрость» была воспринята не в ее подлинном виде, но в средневековой переработке, и в таком виде полностью включена в рационалистический синтез схоластики. Именно на этой культурной почве выросли западные университеты, которые явились прообразом Киевско-Могилянской, а затем и Славяно-греко-латинской Московской Академии. К тому времени, когда в России созрела потребность в высшем образовании, уже нельзя было перенять опыт единовременной и исторически близкой Византии: она была покорена турками, и культура ее была в плачевном состоянии.

Западные университеты имели четыре факультета. На факультете «семи свободных искусств» изучали грамматику, риторику, диалектику, арифметику, астрономию, музыку, геометрию. Окончившие этот общеобразовательный факультет могли поступить на один из трех специальных факультетов: богословский, юридический или медицинский. Именно таким университетом, разве что без медицинского факультета, должна была стать и Московская Академия по мысли ее учредителей, выраженной в «Академической Привилегии» царя Феодора Алексеевича. Разумеется, средоточием ученых занятий Академии стало богословие. Но этим она не отличалась от западных университетов, которые (по крайней мере до Реформации) даже учреждались церковными властями, причем все преподаватели и студенты числились членами клира. Но учрежденная Академия не могла по условиям тогдашней русской жизни (по нехватке образованных и просто грамотных людей) быть таким клерикальным учреждением, как средневековый западный университет. Недаром в «Привилегии» делается ссылка не только на благословение Восточных Патриархов учредить в Москве Славяно-греко-латинское училище, но и на пример «царей греческих», которые заботились о просвещении своего народа (а не одной только части его — духовенства).

Место Академии — этого первого русского общеобразовательного высшего учебного заведения в истории русской культуры огромно. Академия в Москве явилась

совершенно новым этапом русского просвещения. Правда, еще раньше, в 1615 году, возникла Академия в Киеве, однако после открытия Московской высшей школы она довольно быстро утратила свое доминирующее значение, тем более что немало преподавателей и даже студентов перешло из Киева в Москву. Со времени своего основания Московская Академия в течение почти 70 лет оставалась единственной высшей школой в России. Не во всех областях знания эта школа была на уровне современной ей науки, впрочем, и в западноевропейских университетах того времени господствовала католическая или протестантская схоластика. Великий преобразователь России Петр I еще в конце XVII века задумал, в соответствии с насущными государственными нуждами, превратить Академию в университет с невиданной по широте программы: выпускники его должны были поступать «в церковную службу, и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство»¹. Однако этот грандиозный план не был осуществлен. Начали открываться специальные школы: Навигацкая, Артиллерийская, Инженерная, Медицинская и другие. И только за год до смерти Петр I постановил устроить Академию наук, которая открылась уже после его кончины. Академия наук была уже светским ученым учреждением. Но с ее открытием не прекратилось значение Московской Академии как высшей общеобразовательной школы. Как мы увидим, в самой Академии наук виднейшее место принадлежало питомцам Московской Академии. Только с открытием в середине XVIII века Московского университета специализируется образование в Славяно-греко-латинской Академии: она превращается в школу для юношества духовного сословия, воспитывающую прежде всего для церковного служения. При этом Академия не сливается с университетом, не становится одним из его факультетов, как это было в Западной Европе. Почему Академия сохранила свое самостоятельное существование? Скорее всего, главной причиной того, что Академия не была включена в университет, было уважение к традициям этой высшей церковной школы, признание ее заслуг, которое вполне могло соединяться с надеждой, что и будущее Академии небесплодно для светской науки. В Ломоносовско-Шуваловском проекте учреждения Московского университета говорилось: «Хотя во всяком Университете, кроме Философских наук и Юриспруденции, должны также предлагаться быть Богословские знания, однако попечение о Богомыслии справедливо составляется Святейшему Синоду» (пункт 4-й проекта). Хотя Духовные Академии существовали отдельно от университетов, они никогда не были изолированы от них и вместе с ними служили делу русской культуры.

Каково же было общеобразовательное значение Московской Академии? Для просвещения народа была необходима сеть средних и начальных школ. Уже в последние годы царствования Петра I были открыты епархиальные школы, позднее превратившиеся в Духовные Семинарии. По отношению к этим школам Духовные Академии были педагогическими институтами. Значение этой сети духовных школ было очень велико. Вплоть до конца XVIII века абсолютное большинство учеников государственных школ составляли воспитанники духовных учебных заведений². Из них очень многие и в это, и в последующее время избирали светское поприще, шли в университеты или другие высшие светские школы. И хотя позже, в XIX веке, для некоторых из таких воспитанников духовных школ уход в светскую школу психологически ощущался как «бегство» и действительно иногда был связан с коренной ломкой мировоззрения, однако нужно признать, что духовная школа развивала широту интересов и давала широкую общеобразовательную, по крайней мере гуманитарную подготовку, необходимую для перехода на другие поприща.

Важно отметить, что Академия была школой славянского, греческого и латинского языков. Знание первого необходимо для изучения русской и южнославянской древности. Второй — открывал богатства греческой культуры, родоначальницы всей европейской культуры. Не менее существенным и даже еще более актуальным было в конце XVII века и в XVIII веке знание латыни. Латынь имела не только великое прошлое. Она была общеевропейским языком науки и техники. Не только гуманитарные науки, но и науки естественные, математика, медицина пользовались этим языком, и поэтому для изучения всех наук вообще было необходимо знание латыни. В Академии латынь изучалась настолько основательно, что студенты умели не только говорить, но и писали по-латыни, даже стихами. Изучение латыни имело и самостоятельную ценность независимо от практического приложения. Выпускник МДА Н. П. Гиляров-Платонов (1824—1887) говорит об этом в своих вдумчивых воспоминаниях: «Латинский язык... признаваем был *орудием* знания; самостоятельную образовательную силу классических языков уразумели уже позднее. Сами учителя старой школы, подвергая посредством латыни ум учеников гимнастике, не думали о том; они

старались только обучать языку. Духовная школа... была общеобразовательная, более даже отвлеченная и менее специальная, нежели всякая другая»³. Изучение языков увенчивалось изучением риторики и пиитики. Эти предметы имели не только практическое значение. Они знакомили с теорией и историей литературы. Все это вместе давало очень солидное филологическое образование. Далее круг филологических предметов еще расширился. Стали изучать новые языки, древнееврейский язык, всеобщую словесность, куда входили эстетика, теория и история литературы. Глубокий интерес к филологии сохранялся на всем протяжении истории духовной школы, но XVIII век был временем, когда филология в Академии занимала господствующее место в кругу гуманитарных дисциплин.

Одним из важнейших предметов преподавания была философия. Поначалу она преподавалась по Аристотелю. Широкий круг философских дисциплин (логика, психология, физика («естественная философия»), метафизика, этика, политика) излагался по схоластическим образцам. Однако уже на самых первых порах в Академии звучали имена новоевропейских философов и ученых. Примерно с середины XVIII века духовная школа перерастает схоластику и, углубляясь в изучение новой философии, ищет новых, но своих путей. В XIX веке складывается духовноакадемическая философская школа, значение которой в истории русской мысли не следует преуменьшать. Еще А. С. Стурдза отмечал, что «в России высшие церковные школы суть единственные очаги абстракции»⁴. И позднее, вплоть до начала XX века, когда в Академии работал священник Павел Флоренский, философия оставалась одной из ведущих дисциплин.

Уже при Лихудях в Академии изучалась история. Впоследствии объем ее преподавания значительно расширился. Кроме церковной и гражданской истории, преподавался ряд вспомогательных дисциплин. Среди выпускников и профессоров Академии было несколько крупнейших историков. В XIX веке история выдвинулась на первое место среди изучаемых в Академии гуманитарных наук.

Естественно, что в Академии изучалось церковное пение. Но кроме него, занимались и инструментальной музыкой. Известен случай из петровских времен, когда один из полковых командиров просил прислать ему учеников Московской Академии в качестве полковых гобоистов⁵. Во время торжественных церемоний, например по случаю побед Петра I, ученики Академии исполняли канты, которыми приветствовали царя. Одно из таких торжеств, устроенное после Полтавской победы, описано в книге ректора Академии Феофилакта (Лопатинского) «Политиколепная апофеосис»⁶.

Из Киевской Академии в Московскую был принесен обычай давать театральные представления. В Москве эти «комедии» приобрели более светский характер, причем иногда сам Петр I поручал студентам Заиконоспасской Академии постановку представлений политического характера⁷. На сцене иногда изображались в аллегорической форме самые злободневные события, прославлялись «виктории» войска Петрова. Это — одна из первых страниц истории русского театра⁸.

Важнейшим делом было создание переводческой школы, ознакомление русских людей с достижениями древней и новой европейской культуры посредством переводов. Переводы открывали русскому читателю целые новые области знания. Кроме того, они развивали русский литературный язык, содействовали выработке русской научной терминологии. Как высоко стоял престиж академических переводчиков, говорит то, что Петр I неоднократно давал выпускникам или наставникам Академии ответственные поручения такого рода. Например, префект Академии (с 1718 г. обер-иеромонах флота) иеромонах Гавриил (Бужинский; † 1731, впоследствии епископ Рязанский) по повелению и под личным наблюдением Петра перевел книгу знаменитого немецкого юриста и историка Самуила Пуфендорфа по истории западноевропейских государств «Книга показывает всех знатных королевств, которые суть в Европии» (СПб., 1718), а позже — книгу того же автора «О должностях человека и гражданина» (СПб., 1724). Студент Академии Иван Иванович Ильинский по повелению императора перевел с латинского книгу князя Д. Кантемира «Система, или состояние, мухаммеданския религии» (СПб., 1722). Алексей Кириллович Барсов, который, окончив Академию, был справщиком типографии, затем с 1725 по 1731 год преподавал в Академии греческий язык, после чего был назначен директором Московской типографии, по повелению Петра перевел «Библиотеку о языческих богах» Аполлодосра Афинского (М., 1725). После открытия Академии наук переводческое дело сосредоточивается здесь; позже заботу о переводах берет на себя Российская академия (открыта в 1783 г.). Но и в этот период, то есть до конца XVIII века, как отмечает историк русской культуры Г. Г. Шпет⁹, значительную часть переводчиков продолжала да-

вать духовная школа. Тот же историк говорит: «Трудно припомнить сколько-нибудь известного греческого или римского автора, имя которого не стояло бы в списках переведенных или заказанных к переводу книг»¹⁰. В Духовной Академии переводили Гомера¹¹ и Сократа¹², Авла Геллия¹³ и других античных авторов. Переводили и новых писателей. Так, была переведена поэма Милтона «Потерянный рай»¹⁴. Переводили Эразма Роттердамского¹⁵. К концу XVIII века диапазон переводчиков из духовных школ суживается. Они уже переводят одни только богословские, философские и литературные произведения. В XIX веке духовные школы переводят преимущественно творения святых отцов и учителей Церкви и Библию на русский язык. Значительная часть этих переводов приходится на долю Московской Академии, где было издано более 80 томов святоотеческих творений в русском переводе. В целом русских переводов святых отцов было выпущено больше, чем переводов на какой-либо другой новый язык. И эти издания, кроме чисто богословского, имели и большое общекультурное значение. Они знакомили с 15-ю веками истории христианской Европы и содействовали развитию русского самосознания. Яркий пример — славянофилы, которые хотели основывать свои взгляды на святоотеческом учении, но в силу своего «светского» образования могли изучать святых отцов преимущественно в русских переводах.

Краткий перечень ученых и писателей, которых дала Московская Духовная Академия, лучше всего начать именем Михаила Васильевича Ломоносова. Это — самый значительный русский ученый XVIII века, может быть, вообще «наиболее замечательный деятель дореволюционной русской культуры»¹⁶. Ломоносов учился в Академии почти 5 лет, с 1731 по 1735 год, в 1736 году по требованию из Петербурга он был в числе других лучших студентов Славяно-греко-латинской Академии направлен в Петербургский академический университет и вскоре был послан в Германию для изучения естественных наук. Что же дала Академия Ломоносову? Прежде всего, солидную филологическую подготовку. Овладев латынью, Ломоносов впоследствии писал свои научные труды на этом международном языке науки того времени. Но язык интересовал Ломоносова и сам по себе. Его «Российская грамматика»¹⁷, вышедшая в 1757 году¹⁸, была первой печатной грамматикой живого русского языка. Здесь впервые были разграничены церковнославянский и русский языки и были определены их особенности. Кроме того, Ломоносов в своей «Грамматике» отметил существование диалектов русского языка и отдал предпочтение московскому наречию «для его отменной красоты». В своем сочинении «О пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов дал теорию «трех штилей» русского литературного языка. Здесь было показано, что русский язык продолжает в немалой мере пользоваться богатствами славянского языка. Огромное значение имели работы Ломоносова по теории стихосложения. Доводя до конца реформу русского стихосложения, предпринятую Тредиаковским (о нем см. дальше), Ломоносов создал теорию силлабо-тонического русского стиха. Он же воплотил эту теорию на практике, став отцом новой русской поэзии, по отношению к которой силлабическая поэзия XVII — первой половины XVIII века воспринимается нами как предыстория. Большое влияние оказало и «Краткое руководство к красноречию» Ломоносова. Великому ученому принадлежит также несколько исторических сочинений. И как филолога, и как историка, и — в значительной степени — как поэта Ломоносова воспитала Московская Академия. Конечно, как всякий высокоодаренный человек, Ломоносов перерос свою школу. Но это неизбежно. Иначе не было бы никакого культурного прогресса. Правило «ученик не выше учителя» не распространяется на область науки. Насколько повлияло обучение в Академии на естественнонаучные занятия Ломоносова? В Академии преподавались элементы математики и даже естествознания, с экспериментальной наукой Ломоносов вплотную соприкоснулся только во время своего обучения в Германии. Однако, как это показал В. П. Зубов¹⁹, наш великий ученый немало вынес из академических курсов. Изучение воззрений Аристотеля в Академии помогло Ломоносову в опровержении ряда положений современных западноевропейских философов²⁰.

Математика, физика, химия, металлургия, механика, геология, астрономия, сельскохозяйственная промышленность, мозаика, поэзия, драматургия, ораторская проза, публицистика, теория языка и словесности — трудно перечислить все области, где проявил Ломоносов свои великие дарования. По известному слову Пушкина, он, основатель Московского университета, «сам был первым нашим университетом».

Далее мы будем перечислять тружеников русской культуры, вышедших из Московской Духовной Академии, распределяя их по тем областям творческой деятельности, где они наиболее себя проявили. Однако такое распределение довольно трудно. Универсальная широта интересов, удивляющая нас в Ломоносове, в той или иной

мере была свойственна многим его современникам. Часто проявлялась она и у ученых позднейшего времени.

Начнем с *математики*. Элементы ее преподавались с первых лет существования Академии. В XVII веке русская математика уже не ограничивалась одною арифметикою. Существовали рукописные руководства по геометрии и по астрономии. С Московской Академией связано имя Леонтия Филипповича Магницкого (1669—1739), который поставил русскую математику на гораздо более высокий уровень. Магницкий учился в Академии еще при Лихудах. После того как в 1701 году в Москве была открыта школа математических и навигацких наук, Магницкий был назначен в нее преподавателем математики и оставался в этой должности до кончины. Ему принадлежит первая в России печатная книга по математике — «Арифметика, сиречь наука числительная...» (М., 1703). Это — учебная энциклопедия по арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, содержащая также сведения по астрономии, геодезии и навигации. Более полувека она служила школьным учебником. Эта книга попала в руки отроку Ломоносову и повлияла на выбор им жизненного пути. Кроме составления «Арифметики», Магницкий трудился над переводами математических сочинений.

Из Московской Академии вышел также первый русский астроном Никита Иванович Попов (1720—1782), который в 1735 году, одновременно с Ломоносовым, был вызван из Москвы в Петербург для обучения при Академии наук. В дальнейшем он специализировался по астрономии и в 1748 году был избран в адъюнкты, причем ему было поручено чтение лекций по теоретической астрономии. Работал в Академии наук до 1768 года. Автор нескольких астрономических работ, в том числе академических календарей на 1755—1760 годы. В 1768 году Академия наук выпустила его перевод римской истории Троя Помпея.

География также была наукой, элементы которой преподавались в Московской Академии уже при Лихудах. Из Академии вышел знаменитый исследователь Камчатки Степан Петрович Крашенинников (1713—1755). В 1732 году взят из Московской Академии в Академию наук в Петербурге. В следующем году принял участие в ученой экспедиции в Сибирь, а в 1736 году отправился на Камчатку и Курильские о-ва. С 1745 года занимался при АН естественной историей, с 1750 — ректор академической гимназии, затем — адъюнкт и незадолго до кончины назначается профессором естественной истории. Его «Описание земли Камчатки» (СПб., 1755) неоднократно переиздавалось и было переведено на несколько иностранных языков. Крашенинников написал также несколько работ по ботанике. Кроме того, ему принадлежит перевод «Истории Александра Великого» Квинта Курция Руфа (СПб., 1750—1751, пять переизданий).

История Академии тесно связана с историей русской *медицины*. Открывавшиеся при Петре I медицинские школы комплектовались по большей части учениками Славяно-греко-латинской Академии. Кстати сказать, все медицинские учреждения находились до 1765 года в ведении Святейшего Синода. В медицинские училища принимали тех учеников Академии, которые уже владели латынью. Почти ежегодно около 15 студентов Академии отправлялось или в Петербург или в Московскую госпитальную школу. Рекрутирование студентов медицины из числа учеников Академии продолжалось до конца XVIII века. В 1802 году было даже введено чтение двухлетнего курса медицины в Духовной Академии. По проекту преобразования сети духовного просвещения, утвержденному в 1809 году, медицина уже не читалась в Академии, зато стала обязательным предметом во всех Духовных Семинариях. В некоторых Семинариях она преподавалась и после преобразования духовных школ в конце 60-х годов XIX века. Медицинская подготовка признавалась необходимой и для тех, кто в дальнейшем хотел посвятить себя медицине, и для избравших путь пастырского служения.

Из множества медиков, вышедших из стен Московской духовной школы, назовем только немногих.

Петр Васильевич *Постников* — первый русский доктор медицины и философии. Сын дьяка Посольского приказа (т. е. чиновника министерства иностранных дел). Учился в Академии. Весной 1692 года по царскому указу отправлен в Падуанский университет. Уже в 1694 году получил там степень доктора медицины и философии, с наилучшей характеристикой. Кроме Италии, посетил некоторые другие страны с целью повышения образования. Однако ему почти не пришлось применить своих медицинских познаний. Как человек, знающий несколько языков, он был определен на службу в Посольский приказ, 7 лет провел в дипломатических зарубежных миссиях. В 1701 году его записали доктором в Аптекарском приказе, но уже через полгода отправили во Флоренцию как дипломата. Кроме дипломатических обязанностей

Постников занимался там наймом докторов на русскую службу, закупкой лекарств и приобретением книг по многим отраслям знания. С 1710 года — в России, перевел иностранные книги.

Семен Герасимович *Зыбелин* († 1802), (родной брат ректора Московской Академии Антония Зыбелина) был одним из первых русских профессоров медицины в Московском университете. При самом открытии университета, в 1755 году, он поступил туда из Академии и изучал философию, право и филологию. Окончив университет, был послан учиться медицине за границей и получил в Лейдене докторскую степень. Вернувшись на родину в 1765 году, назначен профессором. В 1784 году за заслуги в деле выработки медицинской терминологии избран действительным членом Академии наук. Славился и как блестящий лектор, и как хороший и квалифицированный врач.

Григорий Яковлевич *Высоцкий* (1781—1849) обучался в Академии с 1790 по 1804 год, когда перешел в Медико-хирургическую академию. Был профессором Медицинской академии, президентом Физико-медицинского общества, главным доктором Марининской московской больницы. Был известен как хороший врач и замечательный человек.

Россия имела потребность не только в теоретической науке, но и в практическом применении научных знаний. Один из замечательных деятелей русской промышленности — Дмитрий Иванович *Виноградов* (1720—1758). Сын протонеря, Виноградов учился в Славяно-греко-латинской Академии, вместе с Ломоносовым был вызван в Академию наук и отправлен за границу. По возвращении в 1744 году определен на Невскую порцелиновую мануфактуру — первый в России фарфоровый завод. В то время производство фарфора в Европе только начиналось и способы изготовления его были строго засекречены. Виноградов самостоятельно открыл рецептуру и разработал технологию изготовления фарфора (первые сохранившиеся образцы относятся к 1748 г.)²¹.

Из Академии вышли также два видных ученых в области сельского хозяйства. Иван Иванович *Комов* († 1790) по окончании Московской Академии изучал сельское хозяйство в Англии и затем был в Московском университете профессором земледелия и других наук. Автор книг: «О земледельческих орудиях» (М., 1785, дважды переиздавалась) и «О земледелии» (М., 1788). Степан Алексеевич *Маслов* (1786—1879), сын пономаря. С 1800 по 1811 год обучался в Академии, затем поступил в университет. Получил докторскую степень. Один из основателей и непререкаемый секретарь Императорского Московского общества сельского хозяйства — первого в России общества такого рода. Основатель «Земледельческого журнала». Составитель и переводчик множества работ по земледелию. Много сделал для развития русской свекло-сахарной промышленности и для преодоления происков иностранных конкурентов России в этой области. Бескорыстно трудился для материального и духовного благосостояния простого народа.

От естественных наук перейдем к литературе и наукам гуманитарным.

В конце XVII и в XVIII веке из Академии вышло несколько видных поэтов. Первый из них по времени — иеромонах Чудова монастыря *Карион* (*Истомин*). Окончив Академию, был справщиком типографии. Многие его стихи не были в свое время напечатаны, однако его стихотворный Букварь (1694)²² стал широко известен и служил нескольким поколениям юных читателей. Иеромонах Карий занимался также переводами с греческого и латыни.

Князь Антиох Дмитриевич *Кантемир* (1708—1744), сын молдавского господаря, перешедшего на русскую службу. Получил хорошее домашнее образование, учился в Славяно-греко-латинской Академии, затем брал уроки у профессоров Академии наук в Петербурге. С 1732 года до конца жизни на дипломатической службе. Кантемир — автор сатир, в которых критически изображал современное ему русское общество и защищал петровские преобразования. Он писал также переложения псалмов, басни, переводил античных (Анакреонт, Гораций и др.) и французских авторов (Фонтенель и др.). «Письма о природе и человеке» Кантемира проникнуты глубоким религиозным чувством.

Василий Кириллович *Тредиаковский* (1703—1768), сын священника, с 1723 по 1726 год учился в Московской Академии, где уже выступил как стихотворец. С 1726 по 1730 год жил за границей, некоторое время учился в Сорбонне. В 1745 году произведен в академики. Не обладая большим поэтическим талантом, Тредиаковский отличался неутомимым трудолюбием. Он писал стихи, ученые труды, переводил (общий объем его переводов — более 30 томов). В 1735 году он выпустил статью «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в которой обосновывал силлабо-

тоническую версификацию. Работа Тредиаковского по реформе русского стихосложения была доведена до конца Ломоносовым. В истории русской культуры XVIII века Тредиаковский занимает видное место.

Василий Петрович *Петров* (1736—1799), сын священника, окончив Академию, преподавал в ней несколько предметов. В 1768 году был вызван в Петербург, служил придворным библиотекарем. Писал оды, переводил (Мильтон, «Энеида» Вергилия).

Ермил Иванович *Костров* (начало 1750-х — 1796), сын крестьянина, учился в Московской Академии, затем — в университете. Был официальным университетским поэтом. Писал оды, много переводил (Апулея, Оссиана, первые 9 песен «Илиады» и др.).

Огромное значение в развитии русского общества имели журналы. Они конденсировали самые многообразные интересы — философские, литературные, общественные, научные... Из журналистов — выпускников МДА прежде всего нужно назвать Николая Ивановича *Надеждина* (1804—1856). Сын священника, он окончил Академию магистром в 1824 году. В 1830 году получил докторскую степень в Московском университете, защитив диссертацию о романтической поэзии. Читал в университете лекции по теории искусств, археологии и логике. В 1831—1836 годах издавал журнал «Телескоп», закрытый за напечатание «Философического письма» Чаадаева. Как критик, Надеждин оказал определенное влияние на Белинского. Надеждину принадлежит также множество работ по истории, географии, этнографии и статистике России, русской диалектологии, старообрядчеству, сектантству и др.

Григорий Захарович *Елисеев* (1821—1891), сын священника, окончив МДА магистром, был в 1844 определен бакалавром в Казанскую Духовную Академию. Написал «Историю первых насадителей и распространителей Казанской Церкви святителей Гурья, Варсонофия и Германа» (Казань, 1847). В 1854 году переходит на гражданскую службу, но вскоре выходит в отставку и переселяется в Петербург. В 1858—1866 годах деятельно сотрудничает в «Современнике», а также в газете «Голос». С 1868 по 1884 год вместе с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным редактировал «Отечественные записки».

Можно назвать ряд духовных лиц, в деятельности которых публицистика занимала важное место. Таковы епископ *Иоанн (Соколов, 1818—1869)*, епископ *Хрисанф (Ретивцев; 1832—1883)* и архимандрит *Феодор* (Александр Матвеевич *Бухарев; 1822—1871*).

Как уже упоминалось, философия была одним из главных предметов преподавания в Академии, которая дала несколько видных философов. Николай Никитич *Поповский* (1730—1760) в 1748 году был послан из Московской Академии в Петербургский академический университет. Учась в Петербурге, перевел стихотворный «Опыт о человеке» А. Попа (4 издания до 1802). Был первым профессором философии в Московском университете²³. Основатель второй в России газеты — университетских «Московских ведомостей» (1756). Переводил Горация.

Андрей Михайлович *Брянцев* (1749—1821), сын церковнослужителя, по окончании курса в Московской Академии обучался в университете. В 1787 году получил степень магистра философии и свободных наук, с 1795 год до кончины — ординарный профессор логики и метафизики в Московском университете²⁴.

Иван Иванович *Ястребцев* (1776—† после 1839) по окончании Академии преподавал в ней французский язык, затем служил в Синоде. В 1816—1820 годах учился в Московском университете, защитил докторскую диссертацию «О функциях нервной системы» (1825) (изд. в кн.: Исповедь, или Собрание рассуждений, доктора Ястребцева. СПб., 1841). Другая его книга — «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества» (М., 1833). Переводил Таулера и Массильона²⁵.

Архимандрит *Гавриил* (Воскресенский; 1795—1868), окончивший МДА в 1822 году, — первый русский историк философии, преподавал философию в Казанском университете. Его труды: «История философии» (Казань, 1839—1840, ч. 1—VI), «Философия правды» (Казань, 1843).

В XIX веке в МДА складывается философская школа, родоначальником которой явился протонерей *Феодор Александрович Голубинский* (1797—1854). Сын псаломщика (позднее отец стал священником), Голубинский, окончив в 1818 году Академию, оставлен при ней бакалавром философии, с 1824 — ординарный профессор. Прекрасно знакомый с историей философии, с современной ему западной философией, он не стал приверженцем одной из западных школ или эклектиком. Он стал «основателем русского теизма»²⁶. При жизни протонерей Голубинский опубликовал только одну статью — «Содержание и история учения о конечных причинах». — Прибавление

к творениям святых отцов. 1847, ч. V. Спустя долгое время после его смерти вышли его лекции в записях учеников: Лекции философии. М., 1884—1886, вып. I—IV.

Учеником и преемником протонерея Ф. Голубинского по кафедре философии был Виктор Дмитриевич *Кудрявцев-Платонов* (1828—1891). Сын полкового священника, он окончил МДА в 1852 году первым магистром, с 1854 — бакалавр философии, с 1858 — ординарный профессор. Продолжал философскую линию своего учителя. Труды Кудрявцева-Платонова собраны и изданы после его кончины: Сочинения: В 3-х т. Сергиев Посад, 1893—1894. Кроме того, отдельно изданы: Введение в философию. М., 1889; Начальные основания философии. М., 1889—1890, вып. I—II.

Из учеников протонерея Ф. Голубинского нужно упомянуть также священника Д. Г. Левицкого († 1856), автора книги «Премудрость и благость Божия в судьбах мира и человека» (М., 1857), и протонерея И. М. Богословского-Платонова (1820—1870), автора работы «Арабы и их философия» (Москва, 1850, ч. 3).

Преемником Кудрявцева был Алексей Иванович *Введенский* (1861—1913). Сын священника, Введенский в 1886 году закончил МДА, с 1887 преподавал в Академии историю философии, а по кончине Кудрявцева избран на кафедру метафизики и логики. Магистерская диссертация — «Вера в Бога, ее происхождение и основание» (М., 1891). Докторская диссертация — «Религиозное сознание язычества» (т. I). Основные вопросы философской истории естественных религий. Религии Индии. М., 1902. Введенскому принадлежат также ценные историко-философские работы, в том числе «Современное состояние философии в Германии и Франции» (Харьков, 1894).

Крупным философом был Михаил Иванович *Каринский* (1840—1917). Сын священника, окончил МДА в 1862 году магистром богословия, в 1869—1894 состоял профессором философии Петербургской Духовной Академии. В 1880 году Петербургский университет присвоил ему степень доктора философии за книгу «Классификация выводов»²⁷. Каринский — тончайший аналитик и критик философских систем, сочетавший эту критическую требовательность с непреклонностью веры²⁸.

Последним в ряду философов дореволюционной Академии должен быть назван священник Павел Александрович *Флоренский* (1882—1943). Окончив Московский университет, П. А. Флоренский поступил в МДА, по окончании которой в 1908 году преподавал в ней историю философии. По защите в 1914 году магистерской диссертации «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи» (М., 1912) был утверждён в звании профессора. Крупнейший, универсально одаренный ученый, отец Павел Флоренский занимался богословием, философией, филологией, искусствоведением, был математиком, физиком, инженером. Задачей, вдохновлявшей его во всех его многообразных занятиях, было построение цельного религиозного мировоззрения²⁹.

Много сделали выпускники Академии для русской лингвистики. Федор Поликарпович *Поликарпов* († 1731) учился еще у Лихудов, затем был наставником Академии. С 1701 года — справщик Московской типографии, с 1709 года — ее директор. Из многочисленных его трудов наиболее известны: «Алфавитарь, рекше буквварь, словенскими, греческими, римскими письмены учатися хотящим...» (М., 1701), «Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллинско-греческих и латинских сокровище» (М., 1705), «Словенская грамматика» (М., 1721) — переработка грамматики Смотрицкого, изданная по повелению Петра Первого. Поликарпов занимался также стихотворством, много переводил, писал, по приказанию Петра, труд по русской истории.

Антон Алексеевич *Барсов* (1730—1791), сын директора Московской типографии Алексея Кирилловича Барсова, учился, как и его отец, в Славяно-греко-латинской Академии. С 1748 года продолжал обучение в гимназии при Академии наук. В течение 30 лет (с 1761) занимал в Московском университете кафедру словесности³⁰. Член Российской Академии. Издал две книги по латинской грамматике. Главный труд Барсова — «Российская грамматика» — «наиболее полное описание русского языка XVIII в.», один из самых примечательных памятников русской филологической мысли³¹.

Протонерей Виктор Петрович *Вишневский* (1804—1885) окончил МДА со степенью магистра богословия. Преподавал в Казанской Духовной Академии чувашский и марийский языки по собственным грамматикам. Издал «Начертание правил чувашского языка со словарем» и «О религиозных поверьях чуваш».

Протонерей Петр Алексеевич *Алексеев* (1727—1801), сын пономаря, в 1738—1752 учился в Московской Академии. Действительный член Российской Академии (1783). Основной его труд — «Церковный словарь...» (М., 1773—1770, ч. 1—3; 4-е изд., СПб., 1877—1819, ч. 1—5) лег в основу «Словаря» Российской Академии — первого большого толкового словаря русского языка.

Петр Спиридонович *Биларский* (1817—1867), сын священника, окончил МДА в 1838 году. С 1862 года — экстраординарный академик по отделению русского языка и словесности Академии. В 1865 году стал ordinарным профессором русской словесности в новооткрытом Новороссийском университете в Одессе. Автор книг: «Судьбы церковного языка». 2-е изд. СПб., 1858, кн. 1; «Судьбы церковнославянского языка» СПб., 1848, кн. 2. Перевел книгу В. Гумбольдта «О различиях систем человеческого языка» (СПб., 1859). Опубликовал «Материалы для биографии Ломоносова» (СПб., 1865).

Языки народов России и зарубежных народов усердно изучались в духовных миссиях. В XVIII веке ученики Московской Академии много потрудились в камчатской и китайской миссиях. В XIX веке по миссионерскому делу специализировались другие Духовные Академии — прежде всего Казанская.

Особенно обширен вклад МДА в историю. Митрополит Московский *Платон* (Левшин; 1737—1812), выпускник, наставник, а позднее, уже на Московской кафедре, директор Академии, был первым, не считая Н. Селдяна, историком Русской Церкви. Его «Краткая российская церковная история» вышла первым изданием в 1805 году. Епископ *Дамаскин* (Семенов-Руднев, 1737—1795), в 1778—1782 бывший ректором Академии, во время своего пребывания в Геттингене перевел на немецкий язык часть древнейшей русской летописи. Важен труд епископа Дамаскина «Библиотека Российская...» (серия «Памятники древней письменности», СПб., 1881). Здесь библиография русских книг сопровождается очерком истории русской письменности и просвещения³².

Николай Николаевич *Бантыш-Каменский* (1737—1814), из семьи молдавских бояр, учился в Киево-Могилянской Академии (1745—1754), затем 3 года на высших курсах Московской Академии, одновременно слушал лекции в Московском университете. С 1763 служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Автор нескольких работ по истории русской дипломатии. Написал «Историческое известие о возникшей в Польше унии...» (1805). Принял деятельное участие в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве» (1800).

Во время Отечественной войны 1812 года спас архивные материалы, эвакуировав их из Москвы.

Издателем исторических документов и историком был также Василий Григорьевич *Рубан* (1742—1795)³³.

Крупнейшим ученым был митрополит *Евгений* (Болховитинов; 1767—1837) — историк, археограф, палеограф, библиограф. Сын священника, в 1789 году окончил Московскую Академию. Учился в Академии, посещал лекции в университете. Затем был преподавателем и проректором Воронежской Семинарии, с 1800 года — преподаватель и проректор Петербургской Духовной Академии. С 1804 года — епископ, с 1822 года — митрополит Киевский. Действительный член Российской Академии, почетный член Академии наук, почетный член нескольких университетов. На всех местах своего служения — в Воронеже, Новгороде, Вологде, Калуге, Пскове, Киеве — митрополит Евгений неутомимо изучал местные архивы, собрал и опубликовал огромное количество материалов на церковноисторические темы. В Киеве митрополит Евгений руководил раскопками, которые привели к обнаружению важнейших памятников архитектуры XI века — эти раскопки были одними из первых в России. Митрополит Евгений явился основателем славяно-русской палеографии, написав «Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича...» («Вестник Европы», 1818, № 15—16, 20). До сих пор сохраняют огромную ценность его библиографические труды: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской Церкви» (СПб., 1818, ч. 1—2; 2-е изд., испр. и умнож., СПб., 1827; перизд.: Лейпциг, 1971, т. 1—2), и «Словарь русских светских писателей...» (М., 1845, т. 1—2). Из работ митрополита Евгения, сохраняющих научную ценность, можно также указать: «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (1800), «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», «Всеобщее хронологическое обозрение начала и распространения духовных российских училищ», «Всеобщее введение в историю монастырей греко-российския Церкви», «Описание монастырей Вологодской епархии», «Историческое сведение о Вологодской спархии...», «О личных собственных именах у славяно-русов», «О древностях вологодских зрянских», «История княжества Псковского» (Киев, 1831), «Летопись древнего славяно-русского княжеского города Изборска», «Описание шести псковских монастырей», «Записка о Камчатской миссии», «Описание Киево-Софийского собора» (Киев, 1825), «Киевский месяцеслов...» (Киев, 1832), «Историческое обозрение российского

законоположения от древнейших времен до 1824 г.». Ему принадлежит также «Историческое изображение Грузии» (СПб., 1802)³⁴.

Большое значение для становления исторической школы МДА имели труды *архиепископа Филарета* (Гумилевского; 1805—1866), который, окончив Академию, был в ней профессором, инспектором и ректором и только в 1841 году оставил *alma mater*, быв рукоположен во епископа. Архиепископ Филарет — основатель академического журнала «Прибавление к творениям святых отцов». Из церковноисторических трудов его особое значение имеют: «История русской Церкви» (1847; 6-е изд. СПб., 1894; в сокращенном виде — 1859, много переизданий), «Обзор русской духовной литературы» (3-е изд. СПб., 1884), «Историческое учение об отцах Церкви» (3-е изд. СПб., 1882) — до XX века единственное в русской литературе руководство по патрологии, «Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви» (2-е изд. Чернигов, 1864), «Общий обзор Черниговской епархии» (Чернигов, 1861), «Русские святые, чтимые всею Церковью или местно» (3-е изд. СПб., 1881), «Святые южных славян» (Чернигов, 1865)³⁵.

Другом и продолжателем дела архиепископа Филарета в МДА был протоиерей Александр Васильевич *Горский* (1812—1875), выдающийся представитель русской церковноисторической науки, 42 года трудившийся в Академии³⁶. Помощником протоиерея А. Горского в составлении «Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» был Капитон Иванович *Невострев* (1815—1872), ученик архиепископа Филарета и протоиерея А. Горского по МДА. «Описание» — бессмертный вклад в русистику и славистику. Протоиерей А. Горский, имевший широкие научные интересы, стимулировал работу своих учеников и собраний в нескольких областях — истории, филологии, палеографии. Из МДА вышло несколько палеографов.

Епископ *Амфилохий* (Сергиевский; 1818—1893), сын священника, окончил Академию в 1845 году. Член-корреспондент Академии наук (1863). Составил «Описание Воскресенской Новонерусалимской библиотеки» (М., 1875; приложение — М., 1876). Издал и изучил множество славянских и греческих памятников³⁷.

Архиепископ *Савва* (Тихомир; 1819—1896) окончил Академию в 1850 году, затем девять лет был ризничим московской синодальной ризницы. Издал «Указатель для обозрения московской патриаршей ризницы и библиотеки» (4-е изд. М., 1864) и «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки XVI—XVII вв.» (М., 1863).

Замечательным собирателем древнерусских рукописей был Вукол Михайлович *Ундольский* (1815—1864). Окончив Академию в 1840 году, он служил в московском архиве Министерства иностранных дел, затем в архиве Министерства юстиции. Одновременно был библиотекарем в Обществе истории и древностей российских. Собрал 1348 славяно-русских рукописей, которые после его кончины поступили в Московскую публичную библиотеку. Автор нескольких трудов по библиографии и палеографии. В той же области трудился Алексей Егорович *Викторов* (1827—1883), выпускник Академии 1850 года³⁸.

У Григория Александровича *Воскресенского* (1849—1918), знатока славянских рукописей Нового Завета, преобладали филологические интересы. Окончив МДА, он занимался два года в Петербургском университете. В 1875 году стал приват-доцентом МДА, в 1879 удостоен степени магистра богословия за труд «Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в.». С 1896 года — ординарный профессор МДА. С 1894 года — член-корреспондент Академии наук. В 1896 году удостоен степени доктора за два труда: «Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста» (Сергиев Посад, 1894) и «Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка» (М., 1896). Во всех этих работах Воскресенский следовал за своим учителем протоиереем А. Горским.

Самое большое влияние протоиерей А. Горский оказал на интерес студентов МДА к истории. Из Московской духовной школы вышла целая плеяда историков. Доктор богословия, профессор МДА Петр Симонович *Казанский* (1819—1878), специалист по истории монашества, написал «Историю православного монашества на Востоке» (М., 1854—1857, ч. 1—2), «Историю православного русского монашества» (М., 1855) и множество других работ, среди которых несколько статей по русской истории. Доктор богословия, профессор МДА Николай Иванович *Субботин* (1827—1905) изучал русскую церковную историю, особенно много занимался историей старообрядчества. Его диссертации — «Об отношениях духовенства русского к князьям с XI до XV века» (Прибавления к творениям святых отцов, 1858) и «История белокрыницкой иерархии» (М., 1874, т. 1). Субботин издал много источников — в том числе

«Материалы для истории раскола за первое время его существования» (М., 1875—1899, т. 1—9). Заслуженный профессор Харьковского университета, почетный доктор церковной истории Амфиан Степанович *Лебедев* (1833—1910) был специалистом по истории византийской и славянских Церквей. Доктор богословия, профессор церковной истории в Московском университете протонерей Александр Михайлович *Иванцов-Платонов* (1835—1894) изучал историю христианства в славянских странах, историю древних ересей и идеологию католицизма. Доктор русской истории, профессор русской гражданской истории в Киевской Духовной Академии и церковной истории в Киевском университете святого Владимира Филипп Алексеевич *Терновский* (1838—1884) в основном занимался русской историей и историей Русской Церкви в ее связи с общественной жизнью России. Доктор богословия, профессор Киевской Духовной Академии Александр Дмитриевич *Воронов* (1839—1883) в основном занимался историей христианизации славянских народов. Его докторская диссертация — «Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия» (Киев, 1877). Церковной археологией, историей искусства занимался доктор церковной истории, профессор МДА Иван Данилович *Мансветов* (1843—1885).

Самым знаменитым воспитанником протонерей А. Горского был заслуженный профессор, доктор богословия Евгений Евсигнеевич *Голубинский* (1834—1912). Сын священника, он в 1858 году окончил МДА, а с 1861 года преподавал там историю Русской Церкви. В 1903 году был избран ординарным академиком Академии наук. Голубинский задумал фундаментальный труд по истории Русской Церкви досинодального периода, но осуществил этот план лишь частично. Полностью был написан I том, обнимающий историю домонгольского периода — «История Русской Церкви». М., 1880—1881, т. 1, ч. 1—2 (2-е изд., М., 1901, ч. 1, 1904, ч. 2). Много позже вышла часть 1-я 2-го тома; М., 1900. Часть 2-я 2-го тома вышла уже посмертно (М., 1917), причем автор не успел окончательно ее доработать. Скрупулезно исследуя источники, Голубинский отдавал дань гиперкритицизму, распространенному в мировой науке его времени. Другие труды Голубинского: «История канонизации святых в Русской Церкви» (2-е изд. М., 1903), «К нашей полемике со старообрядцами» (2-е изд. М., 1905), «Краткий очерк истории Православных Церквей Болгарской, Сербской и Румынской» (М., 1871).

Часто происходило так, что воспитанники духовных академий становились преподавателями светских учебных заведений. Обратное происходило очень редко. Из тех очень немногих, кто пришел в Академию из университета, был Василий Осипович *Ключевский* (1841—1911), один из крупнейших русских историков. Ключевский, сын священника, учился в Пензенской Духовной Семинарии, но, не окончив курсы, вышел в 1861 году из Семинарии и поступил в Московский университет, где учился у С. М. Соловьева. В 1871 году Ключевский становится преподавателем русской гражданской истории в МДА. Его привели в Академию не только внешние обстоятельства, но и внутренние причины. В Академии существовала очень значительная церковноисторическая школа, школа протонереев А. Горского и Е. Голубинского. А как раз в 60-х — начале 70-х годов научные интересы Ключевского распространяются и на область русской церковной истории, в это время он пишет свою магистерскую диссертацию — «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871), а также несколько статей на церковноисторические темы. Но и в последующие годы Ключевский неоднократно обращался к этой тематике, в частности в своих речах, произнесенных на академических торжествах: «Содействие Церкви успехам русского гражданского права и порядка» (1888) и «Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства» (1892). Ключевский любил преподавание в Духовной Академии и говорил, что чувствует себя в ней наиболее свободно³⁹. Ученый работал в Академии 36 лет, дольше, чем в других учебных заведениях. В 1879—1909 годах Ключевский читал лекции в Московском университете. По словам Н. Н. Глубоковского, Ключевский гармонически воплощал преимущества обеих школ и был для Духовной Академии залогом живой духовной связи с университетом, которую Академия всегда чувствовала⁴⁰.

Из историков, окончивших МДА, следует упомянуть еще нескольких. Профессор Алексей Петрович *Лебедев* (1845—1908) после многолетнего преподавания в Академии перешел на кафедру церковной истории Московского университета. Он читал лекции и по истории древней Церкви, и по истории Церкви в Византии, и по новейшей истории Греко-Восточной Церкви. В переработанном виде эти чтения вошли в восьмитомное «Собрание церковноисторических сочинений» Алексея Лебедева (М., 1901—1902).

Заслуженный ординарный профессор, член-корреспондент Академии наук Николай

Федорович *Каптерев* (1847—1918) с 1873 года занимал в Академии кафедру древней гражданской истории. Предметом его исследований были отношения Русской Церкви с Восточными Церквами в XVI—XVIII веках, а также события русской церковной истории, связанные с этими отношениями. Работы Н. Ф. Каптерева написаны на основе изучения обширных архивных материалов, многие из них он первым ввел в научный оборот⁴¹.

Доктор церковной истории, член-корреспондент Академии наук Сергей Алексеевич *Белокуров* (1862—1918) по окончании МДА до конца жизни работал в Главном архиве Министерства иностранных дел, с 1898 года был его директором. Активно сотрудничал в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, долгие годы был казначеем, а в 1917—1918 годах — секретарем Общества. Главные труды Белокурова: «Арсений Суханов» (М., 1891, ч. 1) (магистерская диссертация); «Арсений Суханов» (2-е изд., М., 1894, ч. 2, вып. 1); «Юрий Крижанич» — В сб.: Чтения ОИДР, 1903, кн. 2—3; 1907, кн. 7; 1909, кн. 2. Белокуров был также редактором-издателем ряда научных трудов и исторических документов.

Профессор, доктор богословия Анатолий Алексеевич *Спаский* (1866—1916) с 1893 года занимал в МДА кафедру общей церковной истории, его научные интересы лежали в основном в области древней церковной истории⁴².

Видным историком был Николай Никанорович *Глубоковский* (1867—1937), доктор богословия, профессор Петербургской Духовной Академии, впоследствии профессор богословского факультета Софийского университета. Глубоковскому принадлежит фундаментальный труд «Блаженный Феодорит, епископ Киррский» (М., 1890, т. 1—2). Кроме того, он составил краткий очерк «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (Варшава, 1928).

Николай Ильич *Серебрянский* (1872 — год смерти неизв.), доктор церковной истории, с 1916 года доцент МДА, был автором нескольких значительных трудов, из которых назовем «Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле» (М., 1908) и «Древнерусские княжеские жития» (СПб., 1915).

Николай Михайлович *Гальковский* (1868 — год смерти неизв.) был не столько историком, сколько этнографом и фольклористом. Его труды: «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (Харьков, 1916, т. I; М., 1913, т. 2), «Сербский эпос» (М., 1916).

Филологические и исторические интересы соединялись также у Николая Леонидовича *Туницкого* (1878—1934). В 1905—1918 годах он был доцентом, а затем экстраординарным профессором МДА по кафедре русской литературы. После революции преподавал в высших учебных заведениях Киева, Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, был членом Словарной комиссии АН. Туницкому принадлежит исследование «Св. Климент, епископ Словенский» (Сергиев Посад, 1913) и критическое издание греческого жития святителя Климента «Материалы для истории жизни и деятельности учеников свв. Кирилла и Мефодия» (Сергиев Посад, 1918, вып. 1)⁴³.

В целом вклад МДА в историческую науку велик. Хотя в духовной школе занимались преимущественно церковной историей, это имело значение и для развития гражданской истории, поскольку на протяжении всего средневекового периода Церковь была тесно связана с жизнью общества, и гражданская история этого периода неотделима от церковной.

Определенный вклад внесли воспитанники Московской Академии и в юридические науки. В Академии изучалось церковное право, которое с 1835 года изучалось и в университетах. Кроме корифея русской канонической науки епископа *Иоанна* (Соколова; † 1869), нужно назвать еще двух воспитанников МДА, потрудившихся в этой области. *Архиепископ Алексий* (Лавров-Платонов; 1829—1890) в 1870—1878 годах преподавал в МДА каноническое право; под его редакцией вышло капитальное издание «Правил святых апостол, святых Соборов и святых отцов с толкованиями». Николай Кириллович *Соколов* (1835—1874) был экстраординарным профессором МДА по кафедре новой церковной истории и ординарным профессором Московского университета по кафедре церковного права, написал ряд работ по истории Церкви и церковному праву.

Питомцы Московской Академии разрабатывали и другие отрасли права. Лев Алексеевич *Цветаев* (1777—1835) учился в Академии с 1783 по 1795, затем поступил в Московский университет, по окончании которого бакалавром с 1801 по 1805 слушал лекции в Геттингене и Париже. С 1805 года — профессор, с 1811 года — ординарный профессор Московского университета, написал ряд руководств по различным юридическим предметам.

Вскоре после того, как в 1826 году М. М. Сперанский, член комиссии по состав-

лению законов, возглавил 2-е отделение канцелярии (то есть законодательную комиссию), у него возникла мысль пригласить нескольких студентов IV курса Духовных Академий для изучения права. Вызванные в Петербург, они слушали лекции в университете и при 2-м отделении; занятия шли под наблюдением самого М. М. Сперанского. Затем эти студенты отправлялись в Берлинский университет. В 1828 году были вызваны в Петербург В. Знаменский и К. Неволин, в следующем году — братья Баршевы. Василий Патапьевич *Знаменский* († 1835) по возвращении из-за границы защитил в 1834 докторскую диссертацию «Откуда и каким образом должно выводить философские начала гражданского права...». Константин Алексеевич *Неволин* (1806—1855) после защиты докторской диссертации «О философии законодательства у древних» был назначен профессором Киевского университета, где неоднократно избирался ректором. В 1843 году получил кафедру в Петербургском университете, где одно время был проректором и деканом юридического факультета. «Энциклопедия законоведения» (Киев, 1839—1840, т. 1—2) была крупным событием в русской юридической науке. Знаменскому принадлежит также несколько работ по русской истории и истории русского права. Большинство его сочинений издано в шеститомнике, вышедшем в 1857—1859 годах.

Сергей Иванович *Баршев* (1808—1882), выдержав в 1834 году экзамен на доктора правоведения, был определен преподавателем Московского университета, где работал до 1876 года: с 1837 — ординарный профессор, в 1847—1855 — декан юридического факультета, в 1863—1870 годах — ректор университета. Из многочисленных сочинений его нужно отметить «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях» (М., 1841) — первый в русской науке курс уголовного права.

Яков Иванович *Баршев* (1807—1892), получив в Петербургском университете в 1835 году степень доктора прав, поступил туда же профессором и преподавал до 1856 года. Преподавал он и в других учебных заведениях. Разрабатывал ту же область юриспруденции, что и его брат, — уголовное право.

Наш обзор был бы неполон, если бы не были упомянуты воспитанники МДА, выдвинувшиеся на поприще *педагогики* — Сергей Иринеевич *Миропольский*⁴⁴ и Петр Федорович *Каптерев*⁴⁵, оба — авторы многочисленных работ по теории и истории педагогики.

Итак, мы видели, что в XVIII веке Московская Академия внесла огромный вклад почти во все гуманитарные и естественные науки и в литературу, а в XIX — начале XX века много сделала для развития в России гуманитарных наук — особенно истории⁴⁶.

Но главным предметом преподавания был, конечно, круг богословских наук. И можно ставить вопрос о том, насколько влияло на русскую культуру православное богословие. Такое влияние было, несмотря на то, что XVIII—XIX века — это время секуляризации всех областей культуры. Духовная школа не противостояла петровским реформам, наоборот, она была деятельнейшим их проводником. Но когда какой-нибудь Бирон во имя прогресса объявлял гонение на Православие, гонение на все русское, когда последним достижением культуры объявлялись легковесные книжки, имевшие обращение при французском дворе, или фантазмы англо-германского мистицизма, духовная школа в лице лучших своих представителей вставала на защиту Православия, движимая и религиозным, и патристическим долгом. Таким образом, и богословская работа Академии в определенный исторический период служила делу русской культуры и, шире, углубляла народное самосознание перед лицом мощного культурного, политического, а иногда и военного натиска Запада... Академия служила культуре, ибо это служение было начертано на ее знамени, входило в те идеалы Академии, которые были прекрасно сформулированы Н. Н. Глубоковским, идеалы, которые «заклучались в вере, осмысленной и обоснованной знанием, и в науке, очищенной и возвышенной парениями веры»⁴⁷.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Устрялов*. История царствования Петра Великого. СПб., 1863, т. 3, с. 512.

² Энциклопедический словарь. СПб.: изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1899, т. XXVIII, с. 384 (ст. «Россия»).

³ *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания. М., 1886, ч. 1, с. 106—107.

⁴ Цит. по кн.: *Флоровский Георгий*, протонерей. Пути русского богословия. Париж, 1937, с. 242.

⁵ Письма и бумаги Петра Великого, т. XII, ч. I, с. 96.

- ⁶ *Финдейзен Н.* Петровские канты.— Известия АН СССР, 1927, № 7—8, с. 677.
- ⁷ История русской литературы. М.: Изд. АН СССР, 1941, т. III, с. 103.
- ⁸ Афиши «комедий» опубликованы Новиковым в IX томе Древней Российской Византики.
- ⁹ *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. Петроград: Колос, 1922, ч. I, с. 22.
- ¹⁰ Там же, с. 23.
- ¹¹ Гомерова Одиссея / Пер. прозою с греческого иеромонах Моисей (Гумилевский). М., 1788.
- ¹² Исократ, афинейского оратора и философа, политические речи / Пер. И. И. Дмитриевского. СПб., 1789. Переводчик — автор известного «Исторического, догматического и таинственного изъяснения на литургию». М., 1803.
- ¹³ Авла Геллия афинских ночей записки с примечаниями в 20 книгах / Перевел с латинского Московской Академии ректор архимандрит Афанасий. М., 1787.
- ¹⁴ Потерянный рай, эпическая поэма Мильтона / Перевел префект Московской Академии Амвросий. М., 1780.
- ¹⁵ Христианин воин Христов. Соч. Эразма Роттердамского / Перевел с латинского учитель Михайла Завьялов. М., 1783.
- ¹⁶ *Морозов А.* Ломоносов. М.: Молодая гвардия, 1961.
- ¹⁷ Последнее, факсимильное изд.: М., 1982.
- ¹⁸ О дате выхода см.: Российская грамматика А. А. Барсова. М.; Изд. Моск. ун-та, 1981, с. 8.
- ¹⁹ *Зубов В. П.* Ломоносов и Славяно-греко-латинская Академия.— В сб.: Труды Института истории естествознания и техники. М.; Изд-во АН СССР, 1954, т. I.
- ²⁰ Там же, с. 49—52.
- ²¹ *Безбородов М. А.* Дмитрий Иванович Виноградов, создатель русского фарфора. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Здесь же указаны важнейшие труды Виноградова.
- ²² Букварь, составлен Карлионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве. Факсимильное издание: Аврора. Л., 1981.
- ²³ Его «Речь, говоренная на начатии философических лекций при Московском университете» и «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества» издааны в кн. указ. в прим. 30.
- ²⁴ Его труды: Слово о связи вещей во вселенной. М. 1970; Слово о всеобщих и главных законах природы. М., 1799.
- ²⁵ О Ястребцеве см.: *Шпет Г. Г.* Указ. соч., с. 305—309.
- ²⁶ *Колубовский Я. Н.* Философия у русских.— В кн.: *Иберверг-Гейнце.* История новой философии. СПб., 1890, с. 580.
- ²⁷ Персидана в кн.: Избранные труды русских логиков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Другие работы Каринского: Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873; Явление и действительность.— Православное обозрение, 1878, 4; Бесконечное Анаксимаандра.— Журнал Министерства народного просвещения, 1890, 4—6; Об истинах самоочевидных. СПб., 1893. О разногласии в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных см.: ЖМНП, с 1897 по 1914. с перерывами.
- ²⁸ *Флоровский Г.*, протоиерей. Указ. соч., с. 242.
- ²⁹ Об о. Павле Флоренском см.: *Андроник (Трубачев)*, иеродиакон. К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского.— Богословские труды. М., 1982, сб. 23, с. 264—276. Там же указатель печатных трудов священика П. Флоренского, с. 280—309.
- ³⁰ Его «Речь о пользе учреждения имп. Московского университета» изд. в кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Госполитиздат. 1952, т. I.
- ³¹ *Успенский Б. А.* Предисловие к кн.: Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова, с. 3. Другие книги Барсова: «Краткие правила российской грамматики» (выдержала в XVIII веке 10 изд.); «Собрание 4291 древних русских пословиц» (М., 1770); «Собрание речей, говоренных в имп. Московском университете» (М., 1788) и др.
- ³² Кроме того, епископ Дамаскин известен как издатель произведений архиепископа Феофана (Прокоповича), митрополита Платона (Левшина) и М. В. Ломоносова.
- ³³ *Модзалевский Б. Л.* В. Г. Рубан: Историко-литературный очерк. СПб., 1897; *Неустров А. Н.* В. Г. Рубан. СПб., 1896.

³⁴ О митрополите Евгении см.: *Поletaев Н.* Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории Русской Церкви. Казань, 1889; *Здобнов Н. В.* История русской библиографии до начала XX в. М., 1955; *Жуковская Л. П.* Развитие славяно-русской палеографии. М., 1962.

³⁵ *Листовский И. С.* Филарет, архиепископ Черниговский. Чернигов. 1895.

³⁶ О протоиерее А. Горском см. статью в ЖМП, 1962, № 10, с. 72.

³⁷ *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, с. 636—638.

³⁸ *Срезневский И. И.* Несколько припоминаний о научной деятельности А. Е. Викторова. СПб., 1881.

³⁹ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М.: Наука, 1974, с. 371.

⁴⁰ У Троицы в Академии. М., 1914, с. 742.

⁴¹ Главные труды Н. Ф. Каптерева: Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874; Характер отношений России к православному Востоку, 2-е изд. Сергиев Посад, 1914; Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887, вып. I; Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. М., 1891; Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством... СПб., 1895—1898 (ч. 1—2).

⁴² Библиографию его трудов см. в ст.: *Попов К.* Список печатных трудов проф. А. А. Спасского.— Богословский вестник, 1916, № 9.

⁴³ Библиографию трудов Н. Л. Туницкого см. в кн.: Славяноведение в дореволюционной России. М.: Наука, 1979, с. 334.

⁴⁴ О Миропольском см.: *Смирнов С.* История Московской Духовной Академии. М., 1879, с. 481—483.

⁴⁵ О П. Каптерева см.: Православная богословская энциклопедия, СПб., 1907, т. 8, стб. 560—562.

⁴⁶ Можно было бы, невзирая на грубость статистического метода в этой области, попытаться выразить в числах участие МДА в развитии русской культуры. Однако это затруднительно ввиду отсутствия исчерпывающих справочников по различным областям творческой деятельности... Мы взяли биобиблиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (М.: Наука, 1979), в котором помещены справки о 372 ученых и писателях по вопросам славяноведения. Из них Московский университет окончили 25%, Петербургский — 18%, МДА — 8%. Таким образом, МДА оказывается на 3-м месте, оставляя за собой Киевский университет (6%), Харьковский университет (5%), Петербургскую Духовную Академию (3%) и другие учебные заведения (всего указано более 50 высших и средних специальных учебных заведений). Можно предположить, что не менее значительным было место выпускников МДА и в других областях науки, например в русистике.

⁴⁷ *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет.— В сб.: У Троицы в Академии, с. 742.